

Роберт Вейнберг

Кровавый навет в последние годы Российской империи

Процесс над Менделем Бейлисом
по обвинению в ритуальном убийстве

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Роберт Вейнберг

**Кровавый навет в последние
годы Российской империи.
Процесс над Менделем Бейлисом**

«Библиороссика»

2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)53

Вейнберг Р.

Кровавый навет в последние годы Российской империи. Процесс над Менделем Бейлисом / Р. Вейнберг — «Библиороссика», 2014 — («Современная западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6043579-1-0

В марте 1911 года под Киевом было обнаружено обескровленное тело мальчика. Группы населения, тяготевшие к правым убеждениям, решили, что это было ритуальное убийство, и полиция, не имея прямых улик, арестовала еврея Менахема Менделя Бейлиса, который работал приказчиком на заводе неподалеку от места преступления. Суд над Бейлисом состоялся в 1913 году. Присяжные в конце концов оправдали его, но постановили, что преступление имеет признаки ритуального убийства. Роберт Вейнберг стремится выяснить, почему власти обвинили именно этого человека, и тем самым обнаруживает крайности антисемитизма в предреволюционной России. Судебные материалы, газетные статьи, воспоминания Бейлиса и архивные документы погружают читателя в атмосферу этого знаменитого судебного процесса. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-6043579-1-0

© Вейнберг Р., 2014
© Библиороссика, 2014

Содержание

Благодарности	6
Действующие лица	7
Введение	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Роберт Вейнберг
Кровавый навет в последние годы
Российской империи: процесс
над Менделем Бейлисом по
обвинению в ритуальном убийстве

*Книга посвящается Лори и нашему сыну Перри, с благодарностью
за безграничную поддержку и любовь на протяжении многих лет*

Copyright © 2014 by Robert Weinberg. Russian language rights licensed from the original
English-language publisher, Indiana University Press

© В. А. Петров, перевод на русский язык, 2019

© ООО «БиблиоРоссика», оформление и макет, 2019

© Коллекция микрофильмов «Материалы по делу Бейлиса», copyright © East View
Information Services, 2005

© Academic Studies Press, 2019

Благодарности

Сердечно благодарю друзей и коллег за отзывы об этой книге в ее различных воплощениях – Лизу Киршенбаум, Адель Линденмейр, Луизу Макрейнолдс. Рукопись также читали Джин Аврутин, Хиллел Киевал и Джеррод Тэнни; я признателен им за советы по улучшению содержания и аналитической модели. При подготовке английского издания Сибелан Форрестер, Брюс Грант и Марина Роджавин помогли мне с некоторыми особенно трудными переводами, а Ханна Козловска сотворила чудо, добыв изображение евреев, собирающих кровь христианского мальчика. Хочу также выразить благодарность Дженет Рабинович и Питеру Фрелиху из Indiana University Press за то, что они легко и без проблем провели книгу через все стадии производства. Щедрая поддержка Суортмор-колледжа позволила мне совершить поездки в Россию и на Украину и отказаться на время от преподавания, чтобы сосредоточиться на книге. Неизменной поддержке Суортмор-колледжа я обязан и возможностью опубликовать эту книгу на русском языке. Мне хотелось бы поблагодарить сотрудников Academic Studies Press, в особенности Ксению Тверьянович и переводчика Владимира Петрова. И наконец, я крайне признателен Лори Бернштейн, которая все эти годы была моей горячей поклонницей и ободряла меня на всех этапах работы над этим проектом. Она прочла рукопись в ее многочисленных вариантах и всегда обращала пристальное внимание на содержание, аргументацию, анализ и синтаксис. Я отношу все сильные стороны моего труда на счет ее цепкого редакторского взгляда, а все слабые стороны – на счет своих недостатков как историка.

Действующие лица

Менахем Мендель Бейлис	обвиняемый
Федор Болдырев	судья
Степан Бразуль-Брушковский	журналист
Оскар Виппер	прокурор
Екатерина Дьяконова	подруга Веры Чеберяк
Ксения Дьяконова	портниха, подруга Веры Чеберяк
Владимир Голубев	студент университета
Дмитрий Григорович-Барский	адвокат защиты
Оскар Грузенберг	адвокат защиты
Иона Зайцев	основатель кирпичного завода
Марк Зайцев	сын Ионы Зайцева, владелец кирпичного завода во время описываемых событий
Георгий Замысловский	частный поверенный
Александр Зарудный	адвокат защиты
Анна Захарова (Волкивна)	бездомная
Николай Карабчевский	адвокат защиты
Амзор Караев	революционер

Евтихий Кириченко	околоточный надзиратель
Иван Козаченко	член воровской шайки
Николай Красовский	главный следователь по делу
Александр Лядов	сотрудник министерства юстиции
Василий Маклаков	адвокат защиты
Зинаида Малицкая	соседка Чеберяков, продавщица винной лавки
Арнольд Марголин	адвокат
Павел Мифле	бывший любовник Веры Чеберяк
Евгений Мищук	следователь полиции
Адам Полищук	сыщик
Иустин Пранайтис	католический священник
Иван Сикорский	психиатр
Василий Фененко	судебный следователь
Георгий Чаплинский	помощник прокурора
Василий Чеберяк	отец Жени Чеберяка
Вера Чеберяк	мать Жени Чеберяка
Женя Чеберяк	друг Андрея Ющинского
Алексей Шмаков	частный поверенный
Александр Шредель	глава Киевского жандармского управления
Андрей Ющинский	жертва убийства

Введение

Убийство без загадок

Утром в воскресенье, 20 марта 1911 года¹, в одной из многочисленных пещер Лукьяновки, холмистого и возвышенного киевского предместья, игравшие в этих местах дети сделали страшную находку: окровавленное тело полуодетого мальчика в сидячем положении, прислоненное спиной к стене. На его голове, шее и торсе было около полусотни колотых ран, в результате чего тело оказалось почти полностью обескровлено. Одежда ребенка – та, что была на нем, и та, которую нашли на полу пещеры, – пропиталась кровью.

Полицейские, вызванные на место происшествия, без труда установили личность мальчика: его имя значилось в школьных тетрадях, лежавших неподалеку. Тринадцатилетний Андрей Ющинский, как заявила его мать, пропал за несколько дней до этого. В последний раз его видели утром в субботу, 12 марта, когда он ушел из дому – как предполагалось, в школу. Однако Андрей прогулял занятия, отправившись к своему другу Жене Чеберяку – тот жил рядом с пещерами, за несколько километров от дома Андрея, в другом предместье Киева. Андрей и Женя вместе с еще несколькими детьми играли на территории кирпичного завода; к ней примыкал двухэтажный дом, где на верхнем этаже жило семейство Жени.

Сперва следователи заподозрили в убийстве родных Андрея, узнав, что мать и отчим плохо обращались с ним и что Андрей нередко покидал дом, уходя к тетке, которая частично оплачивала его обучение в духовном училище. Но вскоре внимание полицейских переключилось на тридцатилетнюю Веру Владимировну Чеберяк, мать Жени и главу шайки мелких преступников, которые укрывали краденое в ее квартире. Предварительное следствие показало, что Андрея убили члены шайки, явно из опасения, что он уже сообщил или может сообщить в полицию об их преступной деятельности.

Киевские правые организации, однако, быстро сделали вывод, что речь идет о ритуальном убийстве, совершенном евреями. Опираясь на давний миф о том, что евреи пекут мацу с кровью христиан, местные антисемиты увидели в убийстве Ющинского «доказательство» извращенной, зверской природы иудаизма. Студент Киевского университета В. С. Голубев, отец которого преподавал в Киевской духовной академии, проявлял наибольшую активность по части публичных обвинений в адрес евреев и требовал от киевского окружного прокурора расследовать дело как ритуальное убийство, угрожая беспорядками. Голубев и чиновники прокуратуры вместе начали искать еврея, на которого можно было бы возложить ответственность за гибель Ющинского. Киевские судебные власти получили на это карт-бланш от министра юстиции, хотя следователь, первоначально занимавшийся делом, выяснил, что убийцы, скорее всего, нанесли многие раны уже после смерти мальчика, желая придать убийству вид ритуального.

В середине июля полиция задержала еврея Менахема Менделя Бейлиса, тридцатидевятилетнего приказчика кирпичного завода, близ которого нашли тело Ющинского. Бейлис томился в тюрьме до осени 1913 года, когда над ним состоялся процесс по обвинению в ритуальном убийстве. На протяжении этих двух лет царские чиновники, в надежде состряпать дело, фабриковали доказательства и подкупали свидетелей, чтобы те давали ложные показания под присягой. К моменту начала процесса дело Бейлиса получило широчайшую огласку. Суд длился более месяца, с 23 сентября по 28 октября, за это время выступили около 200 свидетелей. Процесс привлек внимание как российской, так и зарубежной публики, проявившей живой интерес к судьбе Бейлиса. Присяжные оправдали его, согласившись, однако, с тем,

¹ Все даты даются по юлианскому календарю, использовавшемуся в России до 1918 года.

что преступление имеет черты ритуального убийства. Дело Бейлиса приобрело сомнительную славу как самый известный и лучше всего отраженный в прессе случай кровавого навета в XX веке. В этом убийстве не было никаких загадок, кроме одной: почему чиновники в Киеве и Петербурге, включая министра юстиции и министра внутренних дел, выбрали жертвой ни в чем не повинного человека, едва не осужденного за преступление, которого он не совершал?

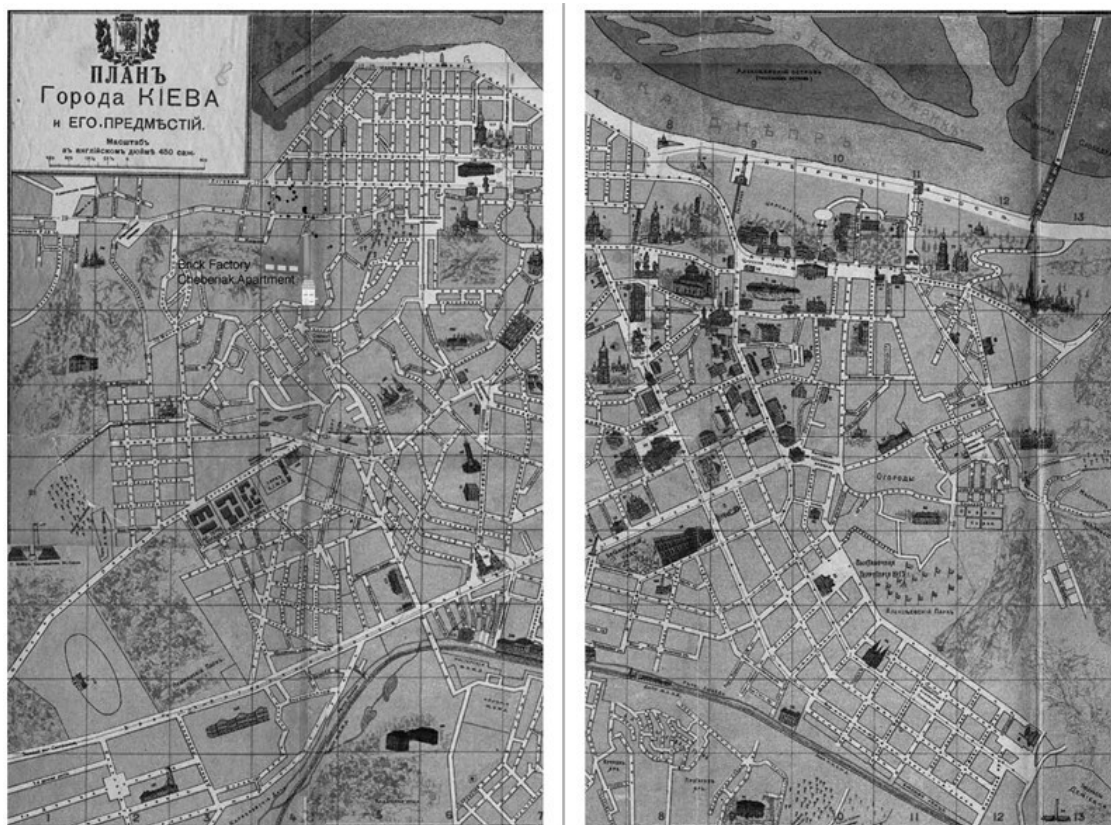

Рис. 1. План Киева. 1911 год. Из коллекции автора

Я заинтересовался делом Бейлиса в феврале 1992 года, вскоре после распада Советского Союза, когда приехал в Москву, чтобы поработать в Библиотеке имени Ленина. Я обратил внимание на нескольких протестующих с плакатами, требовавшими оставить в библиотеке коллекцию, которая является «национальным достоянием» русского народа. Вскоре я узнал, что демонстранты выражали недовольство принятым в 1991 году решением Верховного суда России о возвращении примерно 12 000 книг, около 4000 рукописей на древнееврейском языке и на идиш, а также нескольких тысяч листов с рукописными поучениями, письмами и другими материалами: все это некогда составляло библиотеку пятого Любавичского ребе Шолом-Дов-Бер Шнеерсона (1860–1920), главы одного из направлений в хасидизме², центр которого ныне располагается в Бруклине. Во время Первой мировой войны Шнеерсон, опасаясь за судьбу своего собрания в связи с приближением линии фронта, отправил книги в Москву на сохранение. Предметом спора стали также манускрипты и другие рукописные документы, собранные Йосефом Ицхоком Шнеерсоном – шестым Любавичским ребе, преемником Шолом-Дов-Бер Шнеерсона. В 1933 году он переправил свой архив в Варшаву, где собрание попало в руки

² Хасидизм – течение в ортодоксальном иудаизме, возникшее в XVIII веке в Восточной Европе и уделяющее особое внимание духовным и мистическим аспектам иудаизма, в противоположность традиционному пониманию, делающему акцент на изучении священных текстов. Главную роль в хасидизме играют хасидские династии, из которых происходят духовные вожди течения.

немцев, занявших город после начала Второй мировой войны. Самому Йосефу Ицхоку Шнерсону в 1940 году удалось бежать в США. После поражения Германии архив был конфискован советскими оккупационными властями в составе других немецких материалов по еврейским делам. Некоторые протестующие утверждали, что евреи в США претендуют на оба собрания, так как входящие в них книги и рукописи хранят тайну кровавого навета³.

Слухи о ритуальных убийствах евреями христиан, особенно мальчиков и девочек, восходят к Средневековью. Первые обвинения против евреев были выдвинуты в XII веке в Англии: утверждалось, будто они убивают христианских детей, пародируя тем самым Страсти Христовы. К середине XIII века убежденность в том, что евреи убивают христиан согласно предписаниям иудаизма, распространилась по Европейскому континенту. Теперь евреев обвиняли в том, что они используют кровь иноверцев, подмешивая ее в мацу, для совершения определенных ритуалов, в том числе свадьбы и обрезания. Обвинения в ритуальном убийстве – «кровавый навет» – стали звучать особенно громко накануне Четвертого Латеранского собора католической церкви (1215). Собор принял доктрину пресуществления, в соответствии с которой хлеб и вино, преподносимые верующим во время таинства Евхаристии, превращаются в Тело и Кровь Христову. Некоторые историки утверждают, что употребление в пищу крови и плоти спасителя христиан было плохо воспринято верующими и те спроецировали на евреев собственное недозволенное поведение, осознаваемое ими как ритуальный каннибализм. Вот что пишет, в частности, Х. Валсер Смит:

Ключом... служит психологический процесс «проекции»: один человек приписывает другому то, о чем думает или что делает он сам. Этот механизм психологической защиты бывает особенно действенным в том случае, когда мысли или действия человека расцениваются как постыдные им самим и его окружением. Если рассуждать в этом духе, ритуал, во время которого Тело и Кровь Христова употребляются наподобие еды и питья и приносятся в жертву Богу, вызывает беспокойство. И источник этого беспокойства нашли в евреях⁴.

Высокопоставленные церковные иерархи боролись с мифом о кровавом навете, который глубоко укоренился в светской культуре и нашел отражение в поучениях многих священников позднесредневекового периода [Walser Smith 2002: 263–281]. Папские буллы и эдикты неизменно гласили, что евреи неповинны в осквернении гостии и не используют кровь христиан для приготовления мацы. В середине XIII века Иннокентий IV первым из пап публично выступил против обвинений в ритуальном убийстве, и его преемники постоянно осуждали кровавый навет; это продолжалось и в XX веке (см. Документы 1 и 2). Как мы видим, Ватикан считал необходимым обращаться к этому вопросу на протяжении многих веков. Это говорит о том, как трудно было искоренить убежденность в совершении евреями ритуальных убийств, присущую не только пастве, но и священству, а также о том, что церковь не могла остановить антиеврейские выходки. Исчезновение ребенка, особенно весной, между днями еврейской и христианской Пасхи, часто было достаточным поводом для волнений в связи с ритуальным убийством. Если же мертвый ребенок оказывался искалеченным или у него отсутствовали

³ Администрация библиотеки отказалась передавать коллекцию, а в 1992 году российское правительство отменило решение суда. Собрание обладает неопределенным правовым статусом с начала 1990-х годов. В 2010 году суд в Вашингтоне (округ Колумбия) постановил, что любавичские хасиды являются его законными собственниками, но российское Министерство иностранных дел не согласилось с этим решением. К настоящему времени Российская государственная библиотека передала любавичским хасидам лишь 30 книг, причем все они являются дубликатами экземпляров, имеющих в Бруклине. Изложение хода событий см. в следующих изданиях [Акинша, Гримстед 2005; Cultural Property 2010; Bazylar, Seth 2010: 361–386].

⁴ Назовем несколько общих работ по ритуальным убийствам: [Blood Libel 1991; Frankel 1997; Hsia 1988; Langmuir 1990; Trachtenberg 1943]. Рис. 2. Неизвестный художник. Ритуальное убийство (Музей истории города Ярославля, Польша) В кафедральном соборе Сандомира также сохранились картины 1710 года со сценами ритуального убийства. Польский Христианско-Еврейский совет оплатил установку пояснительных табличек, посвященных кровавому навету.

части тела, местные власти задерживали евреев, пытали их, а нередко и казнили. Подозрения относительно участия евреев в этих предполагаемых убийствах приводили к тому, что христиане безнаказанно нападали на евреев, проживавших рядом с ними, и добивались принятия законов об изгнании евреев: это в особенности касалось германоязычных стран. Самый известный случай кровавого навета произошел в 1475 году в Тренте, когда восемнадцать евреев подверглись страшной пытке «страппадо»⁵ и признались в убийстве двухлетнего ребенка, после чего были публично сожжены [Hsia 1992].

⁵ Страппадо – вид пытки: руки жертвы заводятся за спину и связываются, после чего она поднимается вверх с помощью веревки, привязанной к запястьям. Чтобы усилить и без того нестерпимую боль, к ногам могут прикрепляться грузы. После поднятия тела в воздух веревка ослабляется, и жертва слегка опускается. Орудие, посредством которого производится пытка, также называется «страппадо».

Начиная с XVI века обвинения в ритуальном убийстве, однако, становятся все более редкими, если говорить о Западной и Центральной Европе. Возникновение лютеранства, отвергавшего пресуществление, подорвало теологические основы кровавого навета; этому способствовало также появление христианских ученых, способных читать древнееврейские тексты в оригинале. Кроме того, судебные органы в германоязычных странах отвергали физическое давление и пытки как способ получения признания – а между тем они традиционно служили для доказательства «истинности» кровавого навета. Конечно, некоторые протестантские теологи и интеллектуалы продолжали верить в совершение евреями ритуальных убийств, но в целом существование кровавого навета теперь считалось бесспорным лишь в католических странах Европы, особенно в Речи Посполитой, где к XVII веку сосредоточилась основная масса европейских евреев⁶. Евреи постепенно мигрировали на восток: причиной стали законодательные акты об их изгнании, принимавшиеся в германских государствах, и экономические возможности, которые предоставляла Восточная Европа. С ними перемещался и миф о кровавом навете.

Недавние исследования показывают, что представления о кровавом навете владели умами священников и мирян Восточной Европы еще много столетий спустя после того, как они стали исчезать в западных странах [Maciejko 2010; Guldón, Wijaczka 1995; Węgrzynek 1995; Tollet 2000; Šiaučiūnaitė-Verbickienė 2008; Wijaczka 2003]. По словам М. Тетер, обвинения в ритуальном убийстве стали распространяться в Речи Посполитой на протяжении XVI века и выдвигались в ее восточных областях вплоть до конца XVIII века. Тетер также отмечает, что случаи кровавого навета отмечались в западных областях страны в течение XVII и XVIII веков, заменив собой обвинения в ритуальном осквернении гостии. До XVII века дела об осквернении гостии в массовом порядке рассматривались как церковными, так и светскими судами на Святой неделе. Однако в XVII и XVIII веках евреев чаще обвиняли в ритуальном убийстве, а не в святотатстве [Teter 2011: 183, 209–210].

XIX век принес новый всплеск обвинений в ритуальном убийстве, если говорить о Центральной Европе. Только в 1890-х годах было отмечено 79 таких случаев, преимущественно в Германии и Австро-Венгрии (Венгрия, Богемия, Моравия), но также в Болгарии, Сербии и Румынии, причем обвинения выдвигались и протестантами, и католиками, и православными [Walser Smith 2002: 123]. В этом же столетии миф о ритуальном убийстве приобрел определенную популярность в США [Rockaway, Gutfeld 2002: 355–381].

Историки склонны связывать это с появлением антисемитизма современного вида. В отличие от религиозного антииудаизма или антисемитизма, он был сугубо светским по своей сути и обусловлен изменениями, происходившими вследствие развития промышленного капитализма, возникновения национальных государств и эмансипации евреев – получения ими гражданских и политических прав после Великой французской революции. Согласно этой теории, в XIX веке ненависть к евреям по религиозным соображениям, характерная для стран Европы в Средние века и раннее Новое время, уступила место антисемитизму, ставшему реакцией на появление либеральной и социалистической идеологий, а также на все более широкое вовлечение евреев в политическую, культурную и экономическую жизнь европейских стран.

Преследование Менделя Бейлиса по обвинению в убийстве Андрея Ющинского, однако, ставит под сомнение четкую грань между средневековым (религиозным) и современным (светским) антисемитизмом. Обвинение Бейлиса в ритуальном убийстве показывает, что религиозные предрассудки продолжали подпитывать антиеврейские настроения и выходки, хотя антисемитизм в России уже начал приобретать черты, обычно связываемые с современной

⁶ Как отмечает Валсер Смит, протестанты в германоязычных странах Европы со временем стали отказываться от обвинений в ритуальных убийствах, тогда как для католиков «идея ритуального убийства все еще сохраняла определенную привлекательность» [Walser Smith 2002: 107].

юдофобией, укорененной в процессах социальной и политической модернизации. Распространенность кровавого навета на протяжении XX века говорит о том, что ненависть к евреям на религиозной почве (например, из-за их отказа признавать божественную природу Христа или по причине всяческих предрассудков и суеверий) по-прежнему влияла на рассуждения и поступки антисемитов в странах Европы. Более того, обе разновидности антисемитизма, видимо, влияли друг на друга и даже усиливались в ходе этого⁷. Антисемитизм приобретал современный вид, но подзаряжался за счет старинных предрассудков. Евреев, как и раньше, считали богоубийцами, чья религия требует физического уничтожения христиан. В то же время на них возлагали ответственность за проблемы, порожденные глубокими социальными, экономическими и политическими переменами на Европейском континенте.

Кроме того, обвинения в ритуальном убийстве питались тем культурным и религиозным значением, которое евреи придавали ритуальной чистоте и пищевым ограничениям; странной убежденностью в том, что мужчины-евреи подвержены менструациям и поэтому вынуждены пополнять запас крови в своем организме за счет иноверцев; и, наконец, символической важностью крови для христиан. Эти обвинения нашли отзвук в творчестве отдельных выдающихся представителей русского Серебряного века. Так, некоторые видные интеллектуалы, искатели духовного и мистического знания, разделяли уверенность в наличии у евреев особого отношения к человеческой крови, отразившемся, к примеру, в ритуале обрезания⁸. И если авторы обвинений в ритуальном убийстве делали акцент на практической заинтересованности евреев в употреблении крови христиан, то «наука» о расе, возникшая в конце XIX века, утверждала о якобы совершаемых евреями попытках «загрязнить» иноверцев путем смешивания крови евреев и неевреев. Представления, связанные с осквернением гостии, изрядно ослабли к началу XX века, но кровавый навет все еще прочно владел умами и верованиями многих христиан, связывавших убийство Ющинского с одержимостью евреев кровью. Как выяснилось в ходе дела Бейлиса, даже образованные и интеллектуально развитые люди нередко сохраняли иррациональные представления о том, на что способны евреи. В России многие из них не отрицали справедливость обвинения в ритуальном убийстве: суеверия и предрассудки – удел не одних лишь невежд.

⁷ Я не первым обратил внимание на это. Схожие утверждения содержатся в [Katz 1980].

⁸ Вопросом о значении крови для евреев в особенности был одержим В. В. Розанов. Представления Розанова о евреях, крови и ритуальном убийстве рассматриваются в книге [Engelstein 1992: 299–333].

Рис. 3. Черта оседлости. Карта из книги Ю. И. Гессена «История евреев в России» (СПб.: Тип. Л. Я. Гинзбурга, 1914)

Вплоть до XIX века обвинения в ритуальном убийстве были мало распространены в Российской империи – по двум причинам: слабый интерес православных к ритуальным убийствам как таковым и отсутствие евреев, которым запрещалось проживать в империи до конца XVIII века. Однако в результате разделов Речи Посполитой при Екатерине II население страны

пополнилось несколькими сотнями тысяч евреев⁹ и примерно пятью миллионами католиков и униатов¹⁰. Эти новые подданные империи, сосредоточенные на ее западных и северо-западных окраинах (Белоруссия, Украина, Литва), принесли в нее свои народные верования и предрассудки – включая представления о ритуальном убийстве, глубоко укоренившиеся в этих областях. В течение XIX века эти представления были восприняты православным населением, причем конкретные способы распространения мифов, связанных с кровавым наветом, еще не выяснены [Klier 1986: 12–22; Weinberg 2012б: 167–186]. К началу XX века вера в ритуальное убийство у русских и, шире, у православных России стала обычным явлением.

На протяжении XIX века число обвинений в ритуальном убийстве, зафиксированных в провинциальных городах и деревнях, постоянно росло. Однако дело Бейлиса стало одним из немногих случаев кровавого навета, произошедших в крупном городе до Первой мировой войны. Расследования и процессы по делам евреев, якобы участвовавших в совершении ритуальных убийств, имели место в Велиже (1820–1830-е годы), Саратове (1850-е годы), в грузинском Кутаисе (1879). В Саратове евреи были признаны виновными. Жертвами таких обвинений становились и неевреи, например пятидесятники и раскольники, которым порой инкриминировали ритуальные убийства детей. В 1892 году нескольких удмуртов судили за убийство нищего и использование частей его тела в религиозных целях (Мултанское дело). Суд более высокой инстанции отменил приговор по процедурным основаниям. При этом в течение всего столетия возникали слухи о ритуальных убийствах, которые не заканчивались предъявлением официальных обвинений.

В эту же эпоху появляются различные исследования на данную тему и заключения правительственных комиссий, которым поручали расследовать справедливость обвинений. Публикации становились достоянием широкой общественности, и в результате дискуссии о положении евреев в Российской империи стали неотделимы от споров о ритуальных убийствах. В одном авторитетном труде 1840-х годов на основании «свидетельств», собранных в Европе и России, утверждалось, что ритуальные убийства являются реальностью¹¹. На страницах журналов и газет, число наименований которых резко увеличилось во второй половине XIX века, часто освещались предполагаемые ритуальные убийства. Во всех этих дискуссиях нередко возникал образ «еврея-кровопийцы», наживающегося на крестьянах и горожанах: он лишь усиливал уверенность простого народа в том, что евреи действительно убивают христианских детей ради крови. Отметим, что у евреев были защитники среди иноверцев, но выступления антисемитов, писателей и публицистов, находили отклик у образованной либеральной элиты, считавшей ритуальные убийства реальностью [Klier 1995: 417–436].

К началу XX столетия в Российской империи проживало чуть более пяти миллионов евреев – примерно 45 % всего еврейского населения мира. Политика царских властей в XIX веке, выражавшаяся в соответствующих законах и постановлениях, колебалась между изоляцией евреев от православного населения и их интеграцией в основную часть общества. Опасаясь порчи нравов в результате соприкосновения с религией и культурой евреев, а также стремясь ограничить предполагаемую экономическую эксплуатацию крестьян с их стороны, царские чиновники провели так называемую черту оседлости: евреям было разрешено проживать только в западных губерниях. Были также установлены ограничения на выбор занятия и процентная норма для евреев в высших учебных заведениях. Одновременно, как это ни парадоксально, режим принимал меры, поощрявшие русификацию евреев и их интеграцию в российское общество.

⁹ Точных сведений на этот счет нет, но оценки колеблются от 500 тысяч до 1 млн человек.

¹⁰ Униаты признают власть папы и доктрину католицизма, но сохраняют многие обряды и ритуалы православия.

¹¹ Автор в точности неизвестен, но многие считают, что им был известный писатель и лексикограф В. И. Даль.

Участие евреев в революционных организациях 1860–1870-х годов, наивысшим достижением которых стало убийство Александра II (1881), укрепило убежденность чиновников в том, что евреи представляют угрозу для российского общества. А вступление еврейской молодежи в различные организации марксистского толка начиная с 1890-х годов еще больше усиливало озабоченность защитников царского режима, желавших оградить Россию от революционных перипетий.

В 1905 году крестьяне, рабочие, интеллигенция и национальные меньшинства совместными усилиями вырвали у Николая II серьезные политические уступки. Император издал Октябрьский манифест, гарантировав своим подданным свободу совести, слова, собраний и союзов, а также согласился созвать выборное законодательное собрание – Государственную Думу. Вообще говоря, условий для создания демократических институтов и распространения демократических ценностей почти не имелось, и многие депутаты Думы постарались сделать все возможное, чтобы помешать ее нормальной работе. Тем не менее на заседаниях Думы поднимался «еврейский вопрос», заключавшийся в том, следует ли упразднить черту оседлости и разрешить евреям свободно избирать себе местожительство внутри Российской империи. Во время дела Бейлиса этот вопрос служил яблоком раздора, хотя власти вряд ли отменили бы территориальные ограничения для евреев. Однако реакционеры, особенно ярые монархисты из «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», были уверены, что евреи намерены подчинить себе весь мир, для последующей эксплуатации в своих корыстных целях. Эти организации, известные как «черносотенные», воспользовались ограниченными политическими свободами, дарованными в 1905 году, для натравливания народа на евреев и нападок на оппозиционные режиму политические партии: последние будто бы стали порождением всемирного еврейского заговора, нацеленного на разрушение основ русского общества и русской культуры, таких как православие, самодержавие и доминирование этнических русских.

Историки, как правило, изображают Бейлиса жертвой властей, применявших антисемитизм в политических целях – для восстановления своего пошатнувшегося могущества, борьбы против тех, кто считался противниками самодержавия, и возбуждения антиеврейских настроений среди простонародья. Таким образом, дело Бейлиса стало результатом совместных усилий государственных учреждений, предпринятых для предотвращения неминуемого падения монархии; с этой целью была использована традиционная враждебность населения к евреям. Считается общепризнанным, что в ходе дела Бейлиса царское правительство сознательно пожертвовало ни в чем не повинным человеком из политических соображений. Это означает, что высокопоставленные сановники с ведома и одобрения Николая II решили оговорить Бейлиса, чтобы защитить режим от надвигающейся революции. Чиновники надеялись, что гнев и недовольство народа будут направлены не на монархию, а на евреев, издавна служивших козлами отпущения. И действительно, власти рассчитывали вызвать антиеврейские выступления, чтобы покарать евреев за приписываемые им коллективные акции, а также чтобы ослабить кампанию за отмену черты оседлости, показав, что евреям нельзя доверять (см. Документы 4 и 5).

Начиная с 1960-х годов новые труды, посвященные делу Бейлиса в частности и царской политике по отношению к евреям в целом, поставили под вопрос многие предположения, высказанные предыдущими исследователями. Историки указывают, что российский бюрократический аппарат не должен восприниматься как нечто монолитное и однородное, без учета расхождений во мнениях, взглядах и линиях поведения, характеризовавших политику бюрократии накануне Первой мировой войны (см. Документ 6). К примеру, П. А. Столыпин, председатель Совета министров, убитый во время поездки в Киев осенью 1911 года, выступал за упразднение черты оседлости, но его план по ликвидации ограничений на проживание евреев натолкнулся на серьезные законодательные препятствия и сопротивление высшего чиновничества. Несмотря на большую твердость, проявленную Столыпиным, соглашались далеко не

со всеми его мерами и противодействовали ему, стремясь свести на нет неугодные им политические стратегии и проекты. Отметим также, что исследования последних тридцати лет не выявили никаких указаний центральных властей по организации антиеврейских выступлений. Как заключают историки, маловероятно, чтобы царские чиновники, озабоченные поддержанием общественного покоя, поощряли, терпели и тем более планировали насильственные действия, которые наносили ущерб собственности и влекли за собой гибель людей. Они хорошо выучили уроки 1905 года: любые волнения могли отрицательно повлиять на устойчивость самодержавия [Pogroms 1992]. Ч. А. Рууд и С. А. Степанов утверждают, что полиция и судебские чиновники принесли Бейлиса в жертву ради сохранения закона и порядка: поступились справедливостью, чтобы заручиться поддержкой антисемитов, угрожавших еврейскими погромами [Рууд, Степанов 1993: 315–316].

Установить, чем именно руководствовались чиновники, решившие оговорить Бейлиса, невозможно: документы не содержат подобных сведений. В особенности это касается действий министра юстиции И. Г. Щегловитова, одоббившего замысел и, возможно, сообщившего о нем Николаю II, который не высказал возражений. Судя по всему, Щегловитов надеялся, что процесс против Бейлиса создаст для режима идеологическую опору, которая позволит обосновать принципы, ценности и политику самодержавия, особенно политику по отношению к евреям. Намерения вступивших в сговор киевских чиновников понятны нам намного лучше. Существуют веские доказательства того, что маргинальные элементы из числа правых, в надежде повлиять на политику самодержавия и усилить его позиции, вошли в соглашение с антисемитами из числа думских депутатов, к которым прислушивался министр юстиции. Они оказали давление на Г. Г. Чаплинского, прокурора Киевской судебной палаты, сфальсифицировавшего дело Бейлиса, и других чиновников, указывая на Бейлиса как на убийцу Ющинского. А. Д. Марголин сообщает, что В. И. Фененко, один из тех, кто вел предварительное следствие, – он отвечал за сбор материала для предъявления обвинения, – рассказывал ему об «антиеврейской агитации киевской “черной сотни” и о том, как прокурор киевского окружного суда, под влиянием студента Голубева... предложил ему... обвинить в убийстве Бейлиса» [Margolin 1926: 163]. Кроме того, местные черносотенцы «не давали покоя полиции и следствию из-за убийства Ющинского» [Margolin 1926: 167].

По-видимому, Голубев, возглавлявший организацию «Двуглавый орел», решил, что, если Бейлиса обвинят в ритуальном убийстве, это доставит удовольствие Николаю II и усилит поддержку режима, так как «доказательство» злонамеренности и двуличия евреев станет оправданием для антисемитской политики самодержавия, осуждавшейся во всем мире. Многие консервативно настроенные чиновники и политики разделяли эти настроения, но большинство из них не были готовы преступить закон, подкупая свидетелей и фабрикуя доказательства. За режимом, известным антисемитскими принципами и практикой, пристально наблюдали как иностранные правительства, так и внутренние критики, и заговорщики надеялись, что вердикт о виновности еврея в ритуальном убийстве послужит оправданием для политики властей и улучшит имидж самодержавия. Высокопоставленные чиновники и правые политические деятели могли бы в этом случае утверждать, что реально случившееся ритуальное убийство – довод в пользу отказа от снятия ограничений для евреев. Возможно, так же рассуждал и Щегловитов, надеясь, что публичная демонстрация коварства евреев придаст – как внутри страны, так и за рубежом – новый блеск имиджу и репутации самодержавия, успевшим изрядно потускнеть.

Дело Бейлиса дает нам возможность исследовать представления о евреях, бытовавшие в различных слоях общества, а также изучить характер межэтнических отношений в многонациональной и мультиэтнической империи, где этнические славяне (в основном русские и украинцы) составляли около трех пятых всего населения и где «еврейский вопрос» сильнейшим образом воздействовал на умы многих интеллектуалов, политических деятелей и чиновни-

ков. Дело Бейлиса показало, насколько разнообразной по своей природе может быть ненависть к евреям в современную эпоху, выявив социальные, политические и культурные проявления антисемитизма, в том числе у тех, кто гордился своей приверженностью науке и рациональному мышлению.

Процесс Бейлиса также позволяет проследить за тем, как появление читающей публики и печатных изданий с массовыми тиражами повлияло на политические события в России начала века. Благодаря многочисленным газетам и журналам грамотные люди могли пристально следить за тем, как разворачивалось дело. Якобы имевшие место в прошлом случаи ритуальных убийств нашли свое отражение в газетных статьях, брошюрах, книгах и официальных постановлениях, и читающая публика, по всей видимости, была хорошо знакома с базовыми параметрами развернувшейся дискуссии. После 1905 года, с ослаблением ограничений в отношении прессы, газеты всех политических направлений получили небывалую свободу в освещении и комментировании текущих событий, хотя не всегда делали это ответственно и добросовестно. Кроме того, с 1864 года основным элементом судебной системы в стране являлся суд присяжных – публичное пространство, где сталкивались различные мнения по поводу религии, суеверий, науки, медицины и сверхъестественного. Состязательный процесс давал возможность адвокатам, прокурорам и свидетелям выдвигать конкурирующие версии последовательности событий, которые привели к возбуждению дела. Суд стал местом, где схлестывались идеологии, отражая растущую политизацию общественной жизни в предреволюционные годы. И наконец, дело Бейлиса демонстрирует, каким образом самодержавие преследовало взаимоисключающие цели и как чиновники одного ведомства зачастую работали друг против друга.

Арест и заключение Бейлиса, а затем суд над ним имели огромные общественные последствия, как и «Дамасское дело» (1840-е годы), дело Дрейфуса во Франции (1890-е годы) и линчевание Лео Франка в США (1915)¹². Все четыре процесса вызвали жаркие споры и привлекли внимание широких кругов общества в каждой стране, выявив существование глубоких различий в политических пристрастиях и культурных ценностях. Это касалось особенно Франции и России, где эти процессы оставили чрезвычайно заметные следы в общественном и политическом ландшафте: как оказалось, существуют неурегулированные противоречия между либералами и консерваторами, между носителями светских и религиозных ценностей, которые боролись за влияние на рубеже веков. Страдания, выпавшие на долю обвиняемых, привели к мобилизации политических сил, резко осуждавших антисемитизм. В частности, дело Бейлиса вызвало очередную волну критики в адрес царизма за его отношение к евреям и воодушевило противников самодержавия в России и за границей.

Между делами Бейлиса и Дрейфуса есть одно поразительное сходство: приемы, с помощью которых изображались евреи в выступлениях антисемитов, вызвали всплеск самых низменных антиеврейских настроений. Евреи рисовались носителями зла, устроившими мрачный заговор для достижения экономического, политического и культурного господства в российском обществе. О них говорили – и метафорически, и буквально – как о «кровопийцах», вознамерившихся высосать из Франции и России жизненную силу и мощь. К тому же многие крайне правые в обеих странах проявляли острый интерес ко всему оккультному и мистическому и уделяли особое внимание предполагаемому тяготению приверженцев иудаизма к магии, крови, ритуальным убийствам и сношениям с дьяволом.

¹² В 1840 году группу дамасских евреев обвинили в убийстве монаха-капуцина в обрядовых целях. Пытки позволили вырвать признания в совершении преступления, но делегация в составе известных европейских евреев добилась от Мухаммеда Али, правителя Египта, чья власть распространялась тогда и на Сирию, их освобождения [Frankel 1997]. Альфред Дрейфус, капитан французской армии, был ложно обвинен в выдаче военных секретов Германии. Осужденный дважды по сфабрикованным уликам, он провел пять лет в одиночном заключении на Чертовом острове в Гвиане, после чего был помилован и освобожден [Harris 2010]. Лео Франк, американский еврей, был обвинен в убийстве девочки-подростка, работавшей на карандашной фабрике, где он служил управляющим. Группа жителей города Мариэтта, где жила девочка, похитила его из тюрьмы и подвергла суду Линча. В 1986 году Франк был посмертно помилован [Lindemann 1991].

Но были и существенные различия. Несмотря на опасения – как евреев, так и царских чиновников, – что арест Бейлиса и суд над ним приведут к погромам, ни в Киеве, ни в других местах не произошло антиеврейских выступлений. В Дамаске и во Франции разъяренные толпы обращали свой гнев против евреев, а на американском Юге Лео Франк стал жертвой суда Линча и, сверх того, его тело было жестоко изуродовано. Различной оказалась и роль властей: во Франции улики против Дрейфуса фабриковались преимущественно военными, а в России в сговор с целью обвинить Бейлиса вступили царские чиновники. Далее, Русская православная церковь не стала поддерживать обвинение, а во Франции некоторые католические церковники сыграли решающую роль в вынесении приговора Дрейфусу, символизировавшему в глазах консервативных католиков моральный упадок и вырождение французского общества.

Документы, опубликованные в настоящем издании, образуют достаточно представительную выборку; они демонстрируют невиновность Менделя Бейлиса, показывают существование сговора между чиновниками с целью добиться обвинительного приговора и позволяют почти с полной уверенностью указать на убийц Андрея Ющинского – Веру Чеберяк и членов ее шайки. Помимо этого, они проливают свет на характер антисемитизма в России конца XIX – начала XX века. Трехтомный стенографический отчет о процессе вышел в 1913 году; многие приведенные здесь материалы почерпнуты из него¹³

¹³ Дело Бейлиса. Стенографический отчет: В 3 т. Киев: Киевская мысль, 1913. Далее ссылки на это издание даются с указанием номера тома и страницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.